

Васечко, Г.Р. Запах нефти : [воспоминания бурового мастера Григория Романовича Васечко] / Г.Р. Васечко ; записала А. Сергеева // Новости Югры. – 2003. – 1 июля (№ 71).

Запах нефти

Минуло более полувека, как на сибирскую землю Приобья ступили геологи. Нужно было найти нефть – и ее нашли. Геология собрала людей разной судьбы, они стали первопроходцами. Позднее жизнь их многому научила, а тогда, в начале 50- 60-х, все было впервые.

Этот небольшой рассказ – всего лишь штрих из жизни нашего земляка, ветерана труда, инвалида войны, сейчас пенсионера, а раньше бурового мастера Григория Романовича Васечко. Он начал свою работу на Севере в 1949 году, что называется, с первого колышка, а с 1956 года работал под началом человека-легенды Ф.Салманова в Пимской геофизической партии, позднее преобразованной в Нефтеюганскую. Предлагаем читателю его воспоминания, присланные Дмитрию Шлябину, научному сотруднику Мегионского экспоцентра.

"Обращаюсь к вам из Северной Осетии - родины терских казаков, из-под Владикавказа. Живу я здесь давненько, а Север, Мегион, где прошли молодые трудовые годы – все это, как вчера. Увижу по центральному телевидению Приобье, и сердце защежит. Конечно, Север уже не тот: обжитой, устроенный, то железную дорогу пустили, то мост через Обь перекинули, города, дороги, вузы... Младший сын из Мегиона ко мне в гости своим ходом едет, внушек деду показать.

Весною сын гостил, привез газету, а там на фото вышка и подпись: пятидесятые годы, Покур. Я ее сразу узнал, нашу вышку. С Покуром моя судьба связана особо. Здесь в 1952 году родилась моя дочь Саша, мой первенец. Живет она в Сургуте, работает в нефтяной промышленности.

Шел 50-й год. Покурская – одна из трех первых скважин Северного пояса исследований. Западно-Сибирская низменность была разбита на пояса, квадраты. Расстояние по квадратам между буровыми - 500 км, 250 км. Одна скважина бурилась в Ларьяке, другая – в Покуре (бурил ее сначала геолог, старичок Яковлев, а потом буровой мастер В.Лагутин и испытывал Е.Липковский), третья - в Ханты-Мансийске (тогда еще Самарово). Бурил Н.Григорьев. Это были так называемые опорные скважины, где керн на анализ брали с нуля. Нефть искали и по первой полосе исследований, по-над "железкой", то есть южнее, по линии Новосибирск - Омск - Тюмень. Бурили до 3000 метров – там было сухо. На Покуре мы не дошли до нефти, да и авария помешала. По правде, никто толком и не знал, где лучше искать. Ведь мы были первыми... Но была теория, уверенность. Позднее Салман (мы по-дружески так звали Салманова) на все неудачи первых лет лишь повторял: здесь будет второй Баку!

Не везло и на третьей полосе, на Приполярной. А вот ближе к Приуралью и Урусов добрался до нефти, открыл небольшое месторождение, там фундамент ближе, и нефть пошла где-то с 1700-1800 м. Урусов прогремел тогда: Ю.Эрвье и два буровых мастера сразу Героев получили за почин.

А газетный снимок сделал местный фотограф Вотюков Федор, мы у него бывали за столом: строганину и стерлядь малосолом ели. Бывал у него и Ф.Салманов. С ним я начал работать под Сургутом, в Пимской геофизической партии, позднее он перешел на Юганскую Обь, преобразовал партию в Нефтеюганскую экспедицию.

Помню, устанавливали первую буровую в Пимской экспедиции. Я там был инженером - за мастера и за прораба. В Пиме еще ничего не было, только вагончики пришли с Ангарского завода. Подпоры из бетона (бабки) делали сами. Брус необхватный тесали, в него пятиметровые анкерные болты монтировали, площадку готовили.

Нас в бригаде - пять человек: Белогириин Валентин, он из Майкопа, помбур Терентьев, дизелист – юморной мужик ханты из Колпашево Костя Лялин. У нас еще как-то местный ханты работал, потом ушел: "Разжиженную грязь месить больше не хочу, охотничать интересней, однако...."

Почти всю зиму мы провозились с земельными работами, железобетоном заливали. Когда локосовская бригада монтажников приехала, за две недели вышку смонтировали. Забуриться мне не пришлось, отец при смерти был – я уехал в мае, с первой самоходкой. Салманов потом отозвал меня, послал в Москву, на повышение квалификации, учиться на инженера по глиняным

растворам. Вернулся я месяца через полтора, разведку вели на Ваховской площади. Глину на раствор везли чуть ли не из-под Локосова. Я посмотрел: здесь рядом, прямо под буровой, пласты глины не хуже. Начали применять, упростили дело.

Позднее научились многому, все стало проще и легче. Приспособились и буровые вышки передвигать по замороженным зимникам тракторами на растяжках, на спаренных баржах-площадках чуть ли не целиком вышку, в сборе, перевозить на новую площадку. На Багресе умудрились передвинуть всего тремя тракторами-сотками (вместо пяти по схеме): два спереди и один – на оттяжке.

В 1959 или в 1960 году Салманов направил меня в Мегионскую партию от Сургутской экспедиции. Организовал ее Л.Кузютин, он и стал первым начальником экспедиции.

Незабываемы дни открытия первой мегионской нефти. Тогда ведь почти никто не знал, как она выглядит, разве что ребята, которые бурили в Татарии. На Багресе первый номер бурил Григорий Иванович Норкин, у меня был второй номер. Монтаж делали в декабре. Прошли мы уже за 2 тысячи с лишним. Шел я как-то мимо их номера, они ее уже испытывали и желонили, попросту - черпали пробу 15-метровым куском трубы с клапаном (это позднее начали давить пласт компрессорами). А я чую запах: "Прет, - говорю, - ребята! Не соляжкой, не мазутом пахнет! Я- то ведь бурил в Грозном, на Талкале, бывал на месторождениях. Это же запах нефти!" И хотя с водой - вот она, настоящая нефть! Пошла она. Ребята на радостях лица перемазали нефтью.

Первая нефть, газ, факелы... Сколько их потом было! При В.Абазарове почти все площади в районе разрабатывала Мегионская экспедиция.

Потом были соревнования бригад. Кому-то везло больше, кому-то меньше. Бывали обрывы, аварии. Ремонтировали сами. Попала острая труба – обрыв колонны, и метры, наработанные сверх плана, ушли "на ремонт".

На втором номере у меня обрыв был, оборудование-то – собранное старье. Александровские ребята по рации услышали о беде, мечик привезли, "колокол". Второй номер мы восстановили, уложились в срок, и аварийная скважина стала давать нефть. На Баграсовской протоке нефть получили на скважинах и номер один, и второй номер, и третий.

Номер восемь или номер девять бурились как оценочные, там испытывались все горизонты на воду, четыре или пять горизонтов дали термальную – 80о С, бромисто-йодистую. Прямо курортная вода. Не знаю, организовали там сейчас что-нибудь или нет.

Его Величество Случай в первые годы иногда играл главную роль. На открытие месторождения из Москвы комиссия приехала, из треста "папа Эрвье" прибыл. Его, старого геолога, мы по Крыму знали. Посмотрел, где люди живут (на Багресе несколько домов было привезено из Нарына) и как живут. "Почему экспедиция Мегионская, а живете здесь? Давайте - в Мегион". А ведь могли поселить и на Мысовой Меге или еще где-нибудь...

Следом в Мегион пошли баржи с брусом и пиломатериалами. В экспедиции укомплектовали три бригады плотников, прорабом назначили А.Королева. В четвертой бригаде работали вятские мужики. Ребята все были хваткие, толковые. Соседями стали. Жили дружно. Это был 61-й год.

За зиму две улицы построили по-над яром Меги и контору двухэтажную. Наконец-то у нас появилась своя крыша над головой. А тогда даже кирпича не было, из сырца печи клали. Нам это не в диво, у меня отцов дом из самана. Где не успели застеклить окно - временно вместо стекол одеяла шли.

Все 11 лет в переездах прошли... За это время трое детей родилось: средний Колька - в Александрове, младший Петька – в Пиме. При экспедиции была баржа с каютами (брандвахта), вот с ней и путешествовали на новые площадки. Детей на ночь за руку к кровати привязывали, чтобы в воду не упал кто спросонок. А тут не то что балок, а двухквартирный дом на две семьи с огородом в шесть соток, где я парники поставил.

Мегион был тихим уютным поселком, колхозники занимались земледелием, скотоводством. Природа богатая, все рядом. Осенью, в заморозки, выйду на Сайму, если повезет - глухаря домой несу. Манефа Васильевна моя - коренная сургутянка, дичь умела готовить. Э-эх! Зимой на лыжах любил ходить, для лета моторную лодку держал, с ФЭДом (фотоаппарат) не расставался. В 1981 году журналисту из Нижневартовска дал чемодан со своим фотоархивом – и навсегда.

Вспоминается былое. Выйду во двор посидеть под виноградом (лозу еще мой дед посадил), а в памяти прошлое, друзья...

Салманова иногда вижу по телевизору: то в Москве, то на Севере. Других друзей вижу на встречах ветеранов. О ком-то узнаю из газет, передач: Л.Кузютин – в Сургуте, В.Абазаров, Курбатов – в Тюмени, где-то Федя Хафизов, Малыгин... Наш испытатель Липковский хуторянином стал. Пенсионеры все. Хотелось бы увидеться. Вроде здоровье еще маленько есть. Здоровья всем доброго! Все остальное в нашей жизни было".

В городе нефтяников стоит памятник первопроходцам. В народе его ласково и просто зовут - Алеша. Он гордо держит в руке факел с зажженным огнем, добытым из недр Сибири. Таким красавцем-богатырем виделся скульптору облик первопроходцев. Это символ нашего времени, времени романтиков, людей цельной натуры, способных творить и жертвовать многим ради прекрасного и большого дела. Это памятник человеческому подвигу.

В этом символе собран образ сотен, тысяч первопроходцев. И среди них – Васечко Григорий Романович.